

Андреас Умланд

Будущее международное положение Украины: шесть внешнеполитических сценариев для ключевого государства Восточной Европы*

Главный вопрос о будущем Украины, на который до сих пор нет четкого ответа, сегодня касается не только и не столько ее внутренних дел, экономической трансформации и социальной стабильности – темы, которые часто звучат в СМИ и обсуждениях экспертов¹. В конечном счете, решающим вызовом перед Киевом в следующие несколько лет остается вопрос защиты национальной безопасности от российской гибридной войны против Украины². В первую очередь это касается сдерживания возможных дальнейших военных атак Москвы вглубь украинского государства, таких как воздушные бомбардировки, артиллерийские обстрелы, ракетные удары или продвижения войск за пределы сегодняшних оккупированных территорий. Последнее могло бы, например, произойти, если Кремль вздумает создать сухопутную связь между Россией и Крымом вдоль Азовского моря в случае неудачи российского строительства стабильного и функционирующего моста через Керченский пролив.

В этой связи имеет смысл обозначить шесть нижеизложенных возможных вариантов будущего международного позиционирования Украины. Эти сценарии потребуют от Киева, Запада и Москвы разных концептуальных подходов, взаимных сигналов и совместных или же антагонистических действий. Они могут привести к самым различным последствиям не только для Украины, но и для всей Европы – если не для всего мира (ввиду изложенной ниже связи между территориальной целостностью Украины и международным режимом по нераспространению ядерного оружия).

* Разные варианты этой статьи также опубликованы на украинском, русском, английском и немецком языках на сайтах *Новое время*, *ИноСМИ*, *Ukraine-Nachrichten*, *Huffington Post Deutschland*, *Focus Online*, *Harvard International Review* и в журналах *Sirius: Zeitschrift für Strategische Analysen* (2017. № 3) и *The Brown Journal of World Affairs* (2018. В печати).

¹ См., напр.: Foxall A., Pigman L. Ukraine's Stalled Revolution: Kiev May Talk Like Brussels But It Acts Like Moscow // *Foreign Affairs*. 29 June 2017. <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2017-06-29/ukraine-s-stalled-revolution>; Minakov M. Reconstructing the Power Vertical: The Authoritarian Threat in Ukraine // *Open Democracy*. 29 June 2017. <https://www.opendemocracy.net/od-russia/mikhail-minakov/reconstructing-power-vertical-authoritarian-threat-in-ukraine>; Umland A. Zurück zu einem patronalistischen Regime in der Ukraine? // *Religion und Gesellschaft in Ost und West*. 2017. №№ 7-8. P. 13-15.

² Umland A. How to Achieve a Ukrainian Success Story // *Judy Dempsey's Strategic Europe*. 4 July 2017. <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/71419>.

Как будет проиллюстрировано, относительные шансы, риски и возможности воплощения того или иного сценария резко отличаются друг от друга. Тем не менее, имеет смысл обсудить все шесть сценариев в примерно равной мере, так как они все активно обсуждаются в экспертной среде и международной дипломатии, а также иногда в масс-медиа. Имеет и смысл сравнить сегодняшнюю относительную вероятность их воплощения и открыто сказать об утопичности, желательности, рискованности, привлекательности, мрачности и т.д. их будущей реализации.

Более того, в следующие годы нельзя исключить ни новые потрясения или трансформации международной системы безопасности, ни резкие изменения во внутреннем раскладе вовлеченных в «украинский кризис» разных национальных государств и межгосударственных организаций. В результате таких мутаций условий для изложенных шести сценариев – например, после ухода Путина – относительная вероятность их реализаций может снизиться или повыситься по сравнению с теперешней ситуацией. Некоторые из здесь представленных сценариев могут на фоне сегодняшней международной ситуации показаться простыми фикциями. Тем не менее, их предварительное обсуждение уже сегодня имеет определенный смысл на тот случай, если в следующие годы произойдут резкие повороты, например, внутри Украины, России, США и/или Европейского Союза. Последние годы научили тому, что даже самых – казалось бы – невероятных новых развитий нельзя полностью исключать.

Такого рода, с одной стороны, политические катаклизмы или же, с другой стороны, прогрессивные прыжки могут для Украины и ее друзей предоставить новые «окна возможностей». Если такое окно действительно вдруг откроется – Киеву, Брюсселю, Вашингтону и другим игрокам нужно будет действовать, возможно, быстро и решительно, чтобы не упустить исторический момент. Именно на этот случай, т.е. чтобы быть готовым и к самому резкому повороту событий, здесь обсуждаются пока лишь гипотетические варианты украинского будущего. Они могут остаться такими же фантастическими, какими они представляются на сегодня – или же, наоборот, стать вполне возможными, если мир существенно изменится. Помимо продолжения сегодняшнего состояния невключенности в значимые международные структуры безопасности, у Украины есть, по-моему, пять альтернативных сценариев: «финляндизация», вступление в ЕС, присоединение к НАТО, отдельный договор с США, создание коалиции «Междуморья».

Первый сценарий: Украина (совместно с Грузией и Молдовой) остается в нынешней геополитической «серой зоне» Европы и получает только неформальную поддержку своей безопасности со стороны Запада

Простая экстраполяция нынешнего положения Украины, Молдовы и Грузии без существенного изменения их международного статуса является, на сегодняшний день, наиболее вероятным сценарием в ближайшие годы. Возможны новые развития внутри этого сценария, как, например, разные двухсторонние партнерства, проекты и договоренности. Но в итоге такие отдельные инициативы, скорее всего, оставят уровень институциональной встроенности всех трех стран, т.е. отсутствие их организационного включения в европейскую систему безопасности, аналогичным сегодняшнему. В результате, с одной стороны, можно справедливо утверждать, что только обсуждение разных вариантов будущего в рамках этого первого сценария событий – действительно реалистичная дискуссия, и что только попытки улучшения именно этого сценария имеют политический смысл для Украины.

С другой стороны, очевидным недостатком этого украинского, грузинского и молдавского будущего является то, что оно будет по сути продолжением ситуации, которая сложилась с 1991-го года³. Этот сценарий будет и далее воспроизводить тот набор обстоятельств, который привел к катастрофе 2014-го года. Частичная западная помощь Украине, Молдове и Грузии в виде финансовой поддержки, различных схем сотрудничества и поставки некоторого оружия, в худшем случае, когда-то будет рассматриваться как отвлечение от задачи более креативного и существенного решения принципиальной проблемы международного положения этих трех стран.

Скруплезная работа над постепенным улучшением сценария «серой зоны» ввиду его высокой вероятности на следующие годы, конечно, нужна – и, ввиду, неясности альтернатив ему, является даже первоочередной. Однако чрезмерный или даже исключительный фокус на всего лишь эту цель может привести как в Украине, так и на Западе к забывчивости касательно того факта, что этот сценарий в конечном счете будет означать сохранение опасной геополитической «дыры» в Европе. Пока эта хрупкая модель международных отношений Восточной Европы не будет заменена некой серьезной структурой, она может привести к еще большему краху, чем тот, который произошел в 2014-ом году.

Идея о том, что Украина, Молдова и Грузия должны и могут сами по себе стать достаточно сильными, чтобы противостоять России – почетная и симпатичная. Но она, в конечном счете, наивна, если не легкомысленна. То, что эти

³ Härtel A. Westintegration oder Grauzonen-Szenario? Die EU- und WTO-Politik der Ukraine vor dem Hintergrund der inneren Transformation (1998-2009). Münster, 2012.

страны самостоятельно могут справиться с новым полномасштабным российским военным вторжением, включая воздушные и ракетные удары – а именно об этом кошмарном сценарии нужно говорить, если серьезно обсуждать вопросы базовой национальной безопасности трех стран – всего лишь необоснованная мечта⁴.

Второй сценарий: В рамках большой сделки между Россией и Западом Украина получит некие общие гарантии безопасности, но может потерять часть своей территории и/или суверенитета

Тогда как первый вариант является на сегодняшний день наиболее вероятным, то второй, иногда называемый «финляндизацией», стал за последние три года наиболее популярным среди многих политиков, дипломатов, наблюдателей в Западной Европе и некоторых аналитиков России. Идея о большой сделке между Москвой и Западом часто упоминается как в СМИ, так и в экспертных дискуссиях. В принципе, Украина должна быть самой заинтересованной страной в стабильном, всеобъемлющем и справедливом мире с Россией. Однако устойчивая сделка с Москвой кажется мало вероятной без фундаментальных изменений в нынешнем политическом режиме России или, по крайней мере, в её внешнеполитических приоритетах. Сегодняшний Кремль вряд ли по-настоящему признает суверенитет Украины или согласится на действительное решение вопроса о Крыме. Разве что можно предположить возможный будущий уход России из украинского Донбасса в обмен на снятие большинства западных санкций.

Вероятно, что Москва потребует и для этого прогресса добавочных уступок со стороны Запада, как, например, официального исключения возможности будущего вступления Украины в ЕС и/или НАТО. Кремль также скорее всего не откажется от Крыма и не прекратит поддержку своих марионеточных режимов в Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии. Таким образом, такая асимметричная сделка, которая игнорирует интересы особенно Киева, стала бы фактическим отказом США и Великобритании от их обещаний в известном Будапештском меморандуме о заверениях безопасности Украины 1994-го года. (Название этого документа часто неправильно переводится в Украине как «Меморандум о [якобы] *гарантиях* безопасности», хотя в английском варианте текста говорится о «security assurances», а не о «security guarantees».) Тем самым такое возможное соглашение еще больше подорвало бы уже треснувший в 2014-ом году всемир-

⁴ Umland A. Can Kyiv Defend Itself? Illusions About and Options for Securing Ukraine's Future // Krytyka. 8 January 2017. <https://krytyka.com/en/articles/can-kyiv-defend-itself-illusions-about-and-options-securing-ukraines-future>.

ный режим нераспространения ядерного оружия, о чем ниже будет сказано более подробно⁵.

К тому же, такая сделка повторила бы различные предыдущие неудачные попытки прийти к взаимопониманию между Западом и Кремлем о постсоветском пространстве путем коллективных переговоров и подписания многосторонних документов. В Будапештском меморандуме 1994-го года с США, Великобританией и Украиной Кремль – в обмен на полную передачу украинского ядерного арсенала России – заверил мир о своем уважении территориальной целостности, государственных границ и политического суверенитета Украины. В Стамбульском документе ОБСЕ 1999-го года Россия пообещала вывести свою небольшую воинскую часть из Приднестровья. В российско-грузинском мирном договоре 2008-го года, достигнутом при посредничестве ЕС (т.н. «план Саркози»), руководство России согласилось вывести свои войска из Южной Осетии и Абхазии. В Женевской декларации, Минском протоколе и Минском меморандуме 2014-го года, и в Минском соглашении 2015-го года Москва согласилась на деокупацию Донбасса.

Ни одно из российских обещаний в этих многосторонних соглашениях (как и в целом ряду двухсторонних договоров России с Украиной, Молдовой и Грузией) не было выполнено, хотя Москва в той или иной степени принимала участие в инициации подписания и разработке текстов этих документов. Заключение еще одного подобного соглашения с Москвой может иметь такой же разочаровывающий результат. В худшем случае оно может соблазнить Запад подписаться под перманентным нарушением политического суверенитета Украины в обмен на несущественное улучшение безопасности Восточной Европе. Такой результат на фоне событий и соглашений касательно украинского ядерного арсенала 1990-их годов еще глубже подорвал бы логику демонстративно нарушаемого Москвой с 2014-го года международного режима нераспространения ядерного оружия.

⁵ О разных проектах «большой сделки» и их дискуссии, см., напр.: Pinchuk V. Ukraine Must Make Painful Compromises for Peace with Russia // Wall Street Journal. 29 December 2016. <https://www.wsj.com/articles/ukraine-must-make-painful-compromises-for-peace-with-russia-1483053902>; Сушко А. «Игры великих»: как Украине не заиграться в игру, которая не состоится? // Зеркало недели. 13 января 2017. <https://zn.ua/internal/igry-velikih-kak-ukraine-ne-zaigratsya-v-igru-kotoraya-ne-sostoitsya-.html>; Dembinski M., Spanger H.-J. «Pluraler Frieden» – Leitgedanken zu einer neuen Russlandpolitik // HSFK-Report. 2017. № 2. https://www.hsfk.de/de/no_cache/publikationen/publikationssuche/publikation/pluraler-frieden-leitgedanken-zu-einer-neuen-russlandpolitik/; Heinemann-Grüder A. Wider den Sonderfrieden: Replik auf das Konzept vom «Pluralen Frieden» // Osteuropa. 2017. №№ 3-4. P. 103-108; Sushko O., Umland A. Unrealistisches Szenario: Anmerkungen zum «Pluralen Frieden» // Osteuropa. 2017. №№ 3-4. P. 109-120; Dembinski M., Spanger H.-J. Entspannung geboten: Antwort auf die Kritiker des Pluralen Friedens // Osteuropa. 2017. № 5. P. 135-142.

Третий сценарий: Следуя своему обещанию на Бухарестском саммите 2008 года, НАТО предоставляет Украине и Грузии Планы действий по членству (ПДЧ) и, в конечном итоге, принимает эти страны в члены НАТО

Тогда как большая сделка между Россией и Западом является предпочтительным вариантом разрешения конфликта вокруг Украины среди многих западных и российских наблюдателей, в самой Украине и Грузии наиболее популярным вариантом решения проблемы безопасности этих стран является их как можно более скорое присоединение к НАТО. (Молдова в 1994-ом году, в статье 11 своей Конституции, провозгласила себя перманентно внеблоковым государством.) Относительное большинство не только политиков и интеллигенции двух стран, но и украинского и грузинского обществ сегодня стабильно поддерживает вступление в НАТО. Уже в 2008 году Украина и Грузия официально подали заявку на членство в НАТО. Хотя эти заявления не привели к предоставлению аппликантам ПДЧ реальных возможностей вступления в НАТО, альянс пообещал в заключительной декларации своего Бухарестского саммита, что Украина и Грузия «станут членами» альянса – хотя он и не уточнил, как и когда это случится.

Принципиальная проблема подобного сценария состоит в том, что НАТО не является наднациональной организацией. Решение о принятии новых членов решают не натовские бюрократы или военные, среди которых много друзей Украины и Грузии. Вместо этого все страны-члены альянса в рамках Североатлантического совета должны единогласно согласиться на расширение. Перед гипотетическим голосованием в Североатлантическом совете заявления Грузии и Украины о вступлении в НАТО, наверное, нашли бы значительную поддержку среди политических элит стран-членов альянса из Восточной Европы и Северной Америки. Однако, поскольку каждая страна имеет право на вето, шансы на единодушно позитивное голосование были бы, тем не менее, ничтожны сегодня и в близком будущем. По крайней мере, несколько западноевропейских стран наложили бы свое вето на такое расширение НАТО – до того момента, пока не решатся территориальные споры Киева и Тбилиси с Москвой.

Парадоксальным образом Украина и Грузия, видимо, только тогда смогут стать членами НАТО, когда им это уже не будет так нужно, т.е. если и когда они решат свои конфликты с Россией. Несмотря на это, многие украинские и грузинские политики, эксперты и дипломаты сегодня вкладывают большую часть своего времени и своей энергии в то, чтобы продвигать идею как можно более быстрого вступления их стран в НАТО. Пронатовские активисты не только пропагандируют этот пока что туманный сценарий в своих странах, но и давят на своих коллег на Западе, чтобы они каким-то образом решили проблему членства, не-

смотря на то, что вероятность единодушной поддержки этого шага всеми 29-ти членами альянса на ближайшие годы близка к нулю⁶.

Хотя мотивация проратовских грузинских и украинских политиков, экспертов и дипломатов понятна, их постоянные попытки чего-то достичь в этом плане, в данный момент не только бесполезны. Они частично контрпродуктивны, поскольку отвлекают Киев, Тбилиси и их западных партнеров от поиска более перспективных путей повышения структурной безопасности Грузии и Украины в течение того периода времени, пока вступление в НАТО в конечном итоге не станет действительно возможным. Решающий вопрос для Украины в том, что делать до того, как все страны-члены НАТО могут, без исключения, согласиться на новое большое восточное расширение альянса.

Четвертый сценарий: Присоединение к ЕС как инструмент укрепления безопасности Украины, Грузии и Молдовы

В отличие от, видимо, непреодолимых геополитических препятствий для присоединения Украины и Грузии к НАТО до тех пор, пока продолжается их конфликт с Россией, будущее вступление в ЕС трех ассоциированных стран Восточного партнерства – намного менее политизированный вопрос. Правда, действующий Лиссабонский договор ЕС включает в себя новую статью 42 о взаимной военной помощи (параграф семь) и тем самым предоставляет членам Союза гарантии, напоминающие положения известной пятой статьи Вашингтонского договора НАТО. Тем не менее, ЕС не является в первую очередь оборонным альянсом и не включает в себя США, что делает его расширение менее геополитически значимым, менее рискованным для стран-членов Союза и менее угрожающим для россиян, большинство которых до недавнего времени испытывало значимый уровень симпатии в отношении ЕС, а не боязнь – как в случае с НАТО. На этом фоне шансы, вызовы и траектории вступления в ЕС, с одной стороны, и в НАТО, с другой, отличаются.

Как известно, официальной и однозначной перспективы членства в ЕС у Киева, Тбилиси и Кишинева, конечно, до сих пор нет. Но все же, в тот момент, когда эти три страны воплотят большинство статей своих уже подписанных и ратифицированных больших соглашений об ассоциации с ЕС и таким образом «европеизируют» свои национальные законодательства, общественные структуры и государственные управления, в вопросе присоединения Украины, Грузии и Молдовы к Союзу появится много сторонников, как в Центрально-Восточной, так и в

⁶ Umland A. Ukraine's Understandable But Senseless Hope for NATO Membership // Ukraine Alert. 4 April 2016. <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/ukraine-s-understandable-but-senseless-hope-for-nato-membership>; Pifer S. Will Ukraine Join NATO? A Course for Disappointment // Order from Chaos. 25 July 2017. <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/07/25/will-ukraine-join-nato-a-course-for-disappointment/>.

Западной Европе. Поэтому, вопреки сегодня широко распространенному мнению, будущее вступление этих трех стран в ЕС не так уж маловероятно; и такой шаг был бы не тривиальным в отношении обеспечения безопасности трех стран.

Соглашения об ассоциации, заключенные этими тремя постсоветскими республиками в 2014-ом году, являются исключительно рафинированными и всеобъемлющими договорами, которые в ближайшие годы будут постепенно усиливать их связи с ЕС. Фактически имплементация этих супер-договоров уже сама по себе сделает Украину, Молдову и Грузию участниками европейского экономического и правового пространства⁷. Когда соглашения будут полностью воплощены и будут действовать во многих сферах общественной жизни трех стран, финальный шаг к полному членству в ЕС будет уже относительно небольшим.

На этом фоне вероятно, что после того, как большинство глав соглашений об ассоциации будут реализованы, три страны получают официальный статус кандидата в члены от Брюсселя. Вероятно, также, что последующие за этим переговоры о вступлении будут короче, чем в случае более ранних подготовительных процедур для вступления тех или иных стран в ЕС, поскольку многие ключевые вопросы уже будут решены в процессе воплощения действующих обширных соглашений об ассоциации. Хотя эти договоры официально не заключены для того, чтобы подготовить три страны Восточного партнерства к членству в ЕС, фактически они делают именно это.

ЕС, правда, не является таким мощным и однозначно оборонным союзом, как НАТО, и, следовательно, не может предоставлять таких же однозначных гарантий военной безопасности, как намного более подготовленный к этому Североатлантический альянс. Тем не менее, члены ЕС институционально связаны между собой настолько прочно и многосторонне, что они не могут не быть теснейшими геополитическими союзниками. Это особенно важно ввиду того, что Союз имеет эффективные инструменты экономического давления на своих возможных противников. Таким образом, присоединение Украины, Грузии и Молдовы к ЕС значительно улучшило бы их положение в сфере безопасности и было бы геополитически менее сложным, чем дальнейшее расширение НАТО на восток.

Некоторые политики, дипломаты и эксперты этих трех стран понимают потенциальное значение членства в ЕС в разрешении проблемы безопасности Киева, Тбилиси и Кишинева и поэтому активно над этим работают. Тем не менее, особая глубина и широта трех новых соглашений об ассоциации с ЕС означают, что их имплементация потребует многие годы. Это значит, что – хотя политически вступление в ЕС легче, чем в НАТО – Украина, Грузия и Молдова еще не скоро смогут претендовать на полное членство в ЕС. Как и в случае с НАТО, остается вопрос, что делать до момента их вероятного будущего вступления в Союз.

⁷ Petrov R., Van der Loo G., Van Elsuwege P. The EU-Ukraine Association Agreement: A New Legal Instrument of Integration without Membership? // *Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal*. 2015. № 1. P. 1-19. <http://kmlpj.ukma.edu.ua/article/view/52678>.

Пятый сценарий: Получение Украиной статуса т.н. Основного союзника США вне НАТО или/и заключение трехстороннего пакта на базе Будапештского меморандума

После распада СССР Украина унаследовала третий по величине в мире арсенал ядерного оружия, который значительно превысил суммарное количество атомных боеголовок, находящихся тогда в распоряжении Китая, Великобритании и Франции. Разумеется, у Киева в начале девяностых не было возможности использовать большую часть этого оружия. Тем не менее, этот огромный арсенал, как и значительные производственные мощности и инженерно-технологический опыт Украины позволили бы Киеву создать небольшие, но функциональные и достаточно угрожающие ядерные войска.

Однако, Киев решил отказаться от всего своего ядерного оружия, оборудования и материалов, чтобы присоединиться в середине 1990-х к всемирному Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в качестве государства без атомного оружия. Уже подозревая тогда российскую ирредентистскую угрозу, украинское правительство в ходе международных переговоров о разоружении Украины в 1993-1994 гг. году настаивало на том, чтобы Киев за отказ от своего ядерного арсенала получил гарантии безопасности со стороны т.н. стран-«депозиторов» ДНЯО, т.е. от США, Великобритании и России. В декабре 1994-го года, во время Будапештского саммита КБСЕ, эти три страны, как гаранты режима нераспространения атомного оружия, и подписали судьбоносный Меморандум с Украиной⁸.

Безусловно, Будапештский меморандум не является полноценным международным договором. Он предоставил Украине не «гарантии», как часто утверждается в украинских СМИ, а «заверения» (assurances) о безопасности. Тем не менее, поскольку четырёхсторонний документ в свою очередь тесно связан с ДНЯО, Москва в 2014 году нарушила не только территориальную целостность Украины. Опосредованной жертвой российской открытой аннексии Крыма и скрытой интервенции на Донбассе также стали юридическая логика действенности ДНЯО и международное доверие в эффективность одного из самых важных соглашений мирового сообщества⁹. На этом фоне, Украине стоит в будущем по-

⁸ Potter W. The Politics of Nuclear Renunciation: The Cases of Belarus, Kazakhstan, and Ukraine // Henry L Stimson Center Occasional Papers. 1995. № 22; Pifer S. The Trilateral Process: The United States, Ukraine, Russia and Nuclear Weapons. Washington, 2011. http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2011/5/trilateral%20process%20pifer/05_trilateral_process_pifer.pdf.

⁹ Budjeryn M. The Breach: Ukraine's Territorial Integrity and the Budapest Memorandum // Wilson Center NPIHP Issue Brief. 2014. № 3. www.wilsoncenter.org/publication/issue-brief-3-the-breach-ukraines-territorial-integrity-and-the-budapest-memorandum; Manaeva Rice N., Rice D.P., Hall H.L. Ukraine at the Fulcrum: A Nuclear House of Cards // International Journal of Nuclear Security. 2015. № 1. <http://trace.tennessee.edu/ijns/vol1/iss1/7/>; Galaka S. Ukrainian Crisis and Budapest Memorandum: Consequences for the European and Global Security Structures // Ukraine Analytica. 2015. № 1. P. 45-51; Umland A. The Ukraine Example: Nuclear Disarmament Doesn't Pay // World

пробовать убедить Вашингтон и Лондон подтвердить свои заверения 1994-го года более формально и однозначно, и сделать это не только и не столько из-за солидарности с Украиной, а ради сохранения будущей прочности всемирного режима нераспространения¹⁰.

Стандартный формат обеспечения безопасности, который США применяет к избранным партнерам по всему миру – это т.н. статус Основного союзника вне НАТО, который предусматривает ряд особых возможностей по сотрудничеству в сфере национальной безопасности и может сопровождаться пактом о военной помощи между Вашингтоном и его союзником. В декабре 2014-го года в Конгрессе США уже серьезно рассматривали предоставление этого статуса Украине, но в последний момент это положение было исключено из соответствующего законопроекта. В марте 2017-го года Верховная Рада приняла резолюцию, в которой она прямо просит Вашингтон объявить Украину своим Основным союзником вне НАТО. В будущем, возможно, Киеву даже стоит стремиться к трехстороннему договору между Украиной, США и Великобританией на основании обещаний Вашингтона и Лондона Киеву в Будапештском меморандуме 1994-го года.

Очевидная причина, почему такого нового договора и полноценного военного сотрудничества еще нет – это то, что США и Великобритания в таком случае бы рискнули быть втянутыми в конфликт Украины с Россией. С другой стороны, такой шаг повысил бы ставки для России в ее гибридной войне против Украины, и тем самым мог бы помочь сдерживать будущие атаки Москвы. Более того, предоставление Украине более серьезных гарантий безопасности США и Великобритании, чем заверения в рамках Будапештского меморандума, усилило бы всеобщее доверие к международному праву в целом, и к ДНЯО в частности. На этом фоне, Вашингтон и Лондон однажды смогут решить, что им все же стоит принять такой риск и произвести «апгрейд» Будапештского меморандума 1994-го года – не только и не столько ради безопасности украинцев, а в интересах дальнейшего функционирования режима нераспространения. В таком случае, Украина сможет существенно усилить свою международную включенность и отойти от своего сегодняшнего положения в европейской «серой зоне» безопасности.

Парадоксальным образом, такое развитие было бы и в коренных стратегических интересах российского государства – факт, который, конечно, циничная «кремлевская политология» бы решительно отрицала. Восприятие России как мировой державы и ее международный вес более тесно связаны с относительной грозностью и эксклюзивностью её ядерного арсенала, чем, например, в случае таких атомных государств как США, Китай, Франция и Великобритания. Меж-

Affairs Journal. 2016. № 4. P. 45-49; Budjeryn M., Umland A. Amerikanische Russlandpolitik, die Souveränität der Ukraine und der Atomwaffensperrvertrag: Ein Dreiecksverhältnis mit weitreichenden Konsequenzen // Sirius: Zeitschrift für Strategische Analysen. 2017. № 2. P. 133–142.

¹⁰ Budjeryn M., Umland A. The Nuclear Fallout of Trump's Possible Détente with Putin // Harvard International Review. 16 February 2017. <http://hir.harvard.edu/article/?a=14509>.

дународный вес и влияние этих четырех стран, правда, тоже базируется на их статусе официальных ядерных держав в рамках ДНЯО и соответствующих арсеналах оружия массового поражения. Но их статус и репутация связаны не только с их ядерными ракетами, бомбами и снарядами, но и с другими факторами, как, например, со значимой экономической мощью, высоким академическим потенциалом и разными технологическими инновациями этих наций.

Сохранение мирового статуса и веса России как страны, достижения которой во вне-военных сферах более скромны, чем у других официальных ядерных держав, поэтому особенно тесно связано с будущим соблюдением ДНЯО. Если разные страны мира будут терять свое доверие в эффективность ДНЯО и соответственно начнут сами приобретать оружие массового поражения, то это снизит, в первую очередь, относительный международный вес России. Москве будет труднее чем другим официальным ядерным державам компенсировать постепенное снижение значения своего ядерного арсенала другими рычагами влияния. Относительные статусные потери России от возможного будущего роста количества стран с ядерным оружием будут превышать такого рода потери у других стран мира. Поэтому Москва должна была бы быть – в виду специфического международного политического и правового положения России – самым ярким гарантом ДНЯО. Но, конечно, последние операции Кремля в Украине противоречат также многим другим установкам, которых можно было бы обозначить как коренные национальные интересы России – и не только в сфере ее относительного международного веса.

Шестой сценарий: Украина, Грузия и Молдова, а также ряд посткоммунистических государств-членов НАТО создадут коалицию, воплощающую старую польскую идею Междуморья («Интермарриум»)

Геополитическая ситуация Киева, Кишинева и Тбилиси – на абстрактном уровне – похожа на ситуацию новых государств Центрально-Восточной Европы, которые появились после Первой Мировой войны, таких как Польша, Чехословакия, Литва, Латвия, Эстония. Как и эти государства в межвоенный период, Украина, Молдова и Грузия сейчас находятся в некой геополитической «дыре», и их суверенитету угрожает соседняя ревизионистская держава. Россия уже успела сделать из всех этих трех стран «несостоявшиеся государства» путем активного подстрекательства и целенаправленной поддержки в них сепаратистских движений. Без помощи Москвы пяти сепаратистских единиц на территории этих стран, скорее всего, не было бы. Опосредованно, Россия также причастна к сепаратизму

в Азербайджане, где Москва помогает Армении, которая в свою очередь поддерживает сепаратистов Нагорного Карабаха.

Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова в настоящее время уже входят в т.н. Организацию за демократию и экономическое развитие, известную под аббревиатурой ГУАМ. Объединение четырех стран в этой коалиции отдаленно напоминает межвоенный восточноевропейский проект под названием «Интермариум» (т.е. земли между морями). После распада старых многонациональных государств, польские и другие политики бывших зависимых территорий разных империй в Европе развили идею объединения их наций между Балтийским, Черным и Адриатическим морями. Основная цель Междуморья и подобных проектов заключалась в том, чтобы усилить относительную безопасность этих самих по себе слабых стран, создав союз, который сделал бы буферную зону между потенциальными ревизионистскими Германией и Россией/СССР более безопасной. Но эта идея так и не была воплощена между 1918-ым и 1938-ым годами – и не смогла предотвратить Мюнхенский договор, пакт Молотова-Риббентропа и начало Второй мировой войны.

ГУАМ же, как и другая, частично аналогичная организация, созданная в конце 2005-го года, т.н. Сообщество демократического выбора (Украина, Молдова, Латвия, Литва, Эстония, Словения, Македония, Румыния, Грузия), стали реальностью. Однако, эти коалиции по своим составам и статусам слишком слабые, чтобы противостоять военному вмешательству и другим т.н. «активным действиям» России в нынешней «серой зоне» между НАТО, с одной стороны, и Организацией договора о коллективной безопасности, с другой. Это несмотря на то, что ближайшие западные соседи Украины – Польша, Словакия, Венгрия, Румыния – и другие восточные страны-члены НАТО должны быть заинтересованы коренным образом в стабильности и безопасности особенно Украины. Возможный крах украинского государства в результате агрессивной политики Кремля сказался бы на них в самых разных отношениях.

Но, несмотря на такую общность интересов большинства наций всей Центрально-Восточной Европы, до сих пор не было каких-либо существенных действий для создания соответствующей объемлющей структуры безопасности стран этого региона. Это тем более удивляет на фоне того, что уже существует некая модель для такого соглашения между членом и не-членом НАТО в регионе. В 2010-ом году Азербайджану удалось подписать с Турцией Договор о стратегическом партнерстве и взаимопомощи, который включает в себя и статью о возможной военной поддержке Анкары для Баку. Таким образом, не только США в своих разнообразных союзах вне НАТО, но и неядерный член альянса Турция своим договором с Азербайджаном уже пересекли «красную линию» дачи ратифицированных гарантий безопасности членами НАТО за пределами альянса¹¹.

¹¹ Umland A. Countering Russian Expansionism: Blueprints for a New Security Alliance // European Council on Foreign Relations. 28 April 2016. http://www.ecfr.eu/article/commentary_countering_russian_expansionism_blueprints_for_a_new_security_al.

Тем не менее, для Польши, Румынии и других восточноевропейских соседей Украины идея их участия в серьёзной антиимперской коалиции за пределами НАТО, видимо, неинтересна. Хотя идея Интермариума иногда упоминалась польскими политиками, в том числе нынешним президентом Польши Анджеем Дудой, в течение последних 25-ти лет Варшава еще не предприняла никаких конкретных шагов для ее реализации. Сегодня Варшава, кажется, больше заинтересована в строительстве анти-немецких восточноевропейских коалиций внутри ЕС, чем в решении проблем безопасности на восточной границе Польши¹².

В случае самого апокалиптического, но вполне возможного сценария для украинского государства, т.е. его распада, западные соседи Украины мало что могли бы ожидать от ЕС или НАТО. Непонятно, например, насколько Брюссель смог бы помочь Польше, Словакии, Венгрии и Румынии при притоке нескольких миллионов украинских беженцев или же при взрыве самой большой АЭС Европы в Запорожской области. Полагается ли Варшава на то, что войска НАТО начнут стрелять по украинским беженцам после исчерпания максимума количества беженцев, которое Польша согласна принять, т.е., например, после прихода третьего миллиона неприглашенных иммигрантов из Украины в течении нескольких недель? Уверен ли Будапешт в том, что другие страны-члены ЕС согласятся принять десятки или сотни тысячи украинских беженцев, оказавшихся по такому сценарий в Венгрии? Надеется ли Бухарест на то, что ЕС введет строгий визовый режим для запорожских радиоактивных частиц, когда они начнут массово пересекать в Шенгенскую зону через румынско-украинскую границу?

Вероятность полного краха украинского государства и его апокалиптических последствий, конечно, низкая. Однако, ставки для восточных членов НАТО в стабильности Украины – огромные; а возможности НАТО помочь в этом отношении (из-за упомянутой большой осторожности западных европейцев) – ограниченные. На этом фоне, относительная пассивность, в частности, Варшавы, Бухареста, Будапешта и Братиславы в преодолении восточноевропейской «серой зоны» удивляет. Эта бездейственность, возможно, связана с тем, что взгляд многих центрально-восточных политиков, дипломатов и даже некоторых экспертов на свой регион сегодня «астрономический».

В не полностью осознанном «астрономическом» воображении Европы среди посткоммунистических элит континент разделен на хорошую «планету» ЕС и НАТО и плохую «планету» всех других стран. Нахождение на правильной «планете», в этом пост-географическом воззрении, решает все основные проблемы безопасности. Важно лишь то, чтобы ни в коем случае не войти в какую-то связь с другой «планетой», не быть вовлеченным в ее проблемы и тем самым быть перетянутым из «правильной европейской» в «неправильную постсоветскую» зону.

¹² Fedorenko K., Umland A. How to Solve Ukraine's Security Dilemma? The Idea of an Intermarium Coalition in East-Central Europe // War on the Rocks. 30 August 2017. <https://warontherocks.com/2017/08/how-to-solve-ukraines-security-dilemma-the-idea-of-an-intermarium-coalition-in-east-central-europe/>.

В дивном новом мире центрально-восточной политологии, плохая «планета» настолько далека от хорошей, что ее проблемы несущественны для счастливых обитателей «планеты» ЕС/НАТО.

Есть, конечно, и другие причины для того, что периодически всплывающая идея о создании Междуморья пока осталась невоплощенной. Так, недавний националистический поворот во внутренней и внешней политике Польши привел к новым напряжениям как в польско-ЕСовских, так и польско-украинских отношениях. Неудачная официальная постмайдановская политика исторической памяти Киева – особенно в отношении интерпретации значения и увековечивания лидеров ОУН-УПА – подыгрывала этому польскому повороту. В частности, это касается деятельности нового руководства правительственного Украинского института национальной памяти (УИНП), состоящего из историков, которые не публикуются в серьезных академических журналах. Бездарные инициативы УИНП и ему подобных украинских институтов в значительной мере облегчили утилизацию новых польско-украинских напряжений российской пропагандистской машиной.

Заключение

Ни один из этих шести сценариев не обнадеживает. Первый, о сохранении «серой зоны», сегодня кажется наиболее вероятным. Но он, возможно, с учетом известного прошлого опыта, в конечном счете – тупиковый. Остается неясным, может ли даже более сильная чем сегодня ассоциация с Западом, адаптация к новым вызовам после 2014-го года и консолидация постмайдановского украинского государства в рамках этого сценария заменить или компенсировать официальную и устойчивую институциональную интеграцию Украины, Грузии и Молдовы в более или менее значимую международную коалицию до такой степени, что безопасность этих трех стран существенно усилится.

Остальные пять сценариев, напротив, дают некоторые международно-правовые механизмы серьезного обеспечения безопасности в сегодняшней «серой зоне». Они бы принципиально поменяли всю геополитику Восточной Европы путем подписания разного рода новых больших договоров. Но эти сценарии, которые в тех или иных измерениях выгодны Украине, Грузии и, частично, Молдове, сегодня мало реалистичны, если не фантастичны. Тем не менее, эти пять сценариев в той или иной мере могут стать возможными в будущем, если произойдут существенные изменения во внутренней или внешней политике тех или иных вовлеченных в восточноевропейский регион стран и организаций.